

В.Ю. Лукасик (Москва, Россия)

Как ломаются мечи: средневековый артефакт во французской литературе XX века

Аннотация: Средневековые артефакты могут по-разному интерпретироваться как в историческом, так и в символическом плане. Легендарные монархи, с которыми связаны, например, королевские регалии во Франции, как правило, на несколько веков старше знаменитых артефактов. В литературе первой половины XX в., стремящейся воскресить дух прошедших эпох, артефакт, уже осмысленный Средневековьем, приобретает новое значение. Так, меч Жанны д'Арк в романе Жозефа Дельтея «Жанна д'Арк» одновременно интерпретируется как оружие, древнее даже для героини (эпическое толкование), и в то же время как манифестация невроза (психоаналитическое толкование). Мистическому толкованию места не остается: сломанный меч – нарушение гармонии души и тела, предвещающее роковой конец Жанны. Артефакт снова начинает выполнять функцию эпического объекта.

Ключевые слова: артефакт, Жозеф Дельтей, Жанна д'Арк, меч, Средневековье, анахронизм

V.Yu. Lukasik (Moscow, Russia)

How the Swords Get Broken: Medieval Artifact in the 20th Century French Literature

Abstract: Medieval artifacts can be differently interpreted in historical as well as symbolic aspects. Legendary monarchs, with whom, for example, royal regalia in France are associated, as a rule, are several centuries older than the famous artifacts. In the literature of the first twentieth century, which reconstructs the spiritual atmosphere of past eras, the artifact, already comprehended by the Middle Ages, acquires a new meaning. Thus, the sword of Jeanne d'Arc in Joseph Delteil's novel Jeanne d'Arc is simultaneously interpreted both as a weapon, incongruous the heroine (epic interpretation) and almost as a manifestation of neurosis (psychoanalytic interpretation). But there is no place for a mystical interpretation: a broken sword is a violation of the harmony of soul and body, foreshadowing the fatal end of Jeanne. The artifact again begins to function as an epic object.

Key words: artifact, Joseph Delteil, Joan of Arc, sword, Middle Age, anachronism

При исследовании артефактов в заявленном контексте появляется искушение соединить в одной точке некий момент Средневековья и XX век. Учитывая новый интерес к древним эпохам, который демонстрирует европейская культура первых десятилетий XX в. (говоря о французской литературе, достаточно вспомнить Шарля Пеги¹, Реми де Гурмона², Блеза Сандрара³, Гийома Аполлинера⁴ и т. д.), любопытно посмотреть, как нарратив двадцатых годов минувшего столетия пытается постигнуть подлинный дух Средневековья, в том числе и через художественное освоение артефакта.

Значимые артефакты в средневековой культуре не возникают спорадически, а приобретают определенную семантическую нагруженность: сакральную, мистическую, историческую, политическую – и уже с ней фигурируют в социуме, а также могут начать новую жизнь в визуальных и словесных искусствах, т. е. в хрониках, поэтических сочинениях, романах и трактатах или, к примеру, на книжных миниатюрах, получающих в позднем Средневековье особый статус. Соответственно, жизнь артефакта в двух аспектах – материальном и символическом – протекает в Средневековье достаточно динамично.

Ярким примером может служить, в частности, Круглый стол короля Артура в Винчестерском замке, который в действительности датируется XIII в. и был расписан уже в XVI в. по приказу Генриха VIII: он и изображен в центре вместо «короля былого и грядущего». Очень интересны в этом отношении так называемые шахматы Карла Великого, сделанные из слоновой кости, которые, по легенде, были подарены ему Гаруном Аль-Рашидом, а в настоящее время хранятся в Кабинете медалей в Париже. Конечно, учитывая, что отдельные фигуры этих шахмат весят до килограмма, представляется логичным, что ими мог пользоваться подлинно великий император. В действительности, однако, шахматы на триста лет моложе Карла; это статусный, декоративный, нефункциональный объект. И формируется традиция: во Франции известны также, например, шахматы Людовика Святого, которые, судя по некоторым деталям, были сделаны в конце XV в.

Предел символической, в первую очередь сакральной, нагруженности достигается, вероятно, в королевских регалиях. Во Франции в число сакральных объектов, сопутствующих монарху в особенно важные моменты, в первую очередь при коронации, попадают святая Амбула⁵ (уничтожена декретом революционного Конвента), потир святого Ремигия (в реальности восходящий к XIII в.). Сюда же можно отнести руку правосудия (она упоминалась уже при Гуго Капете) и так называемый скипетр Дагобера, считавшийся самой древней регалией. Но после французской революции никто уже не сможет проверить, к какому веку она восходила.

Одной из самых ярких регалий остается тем не менее Жуайёз – меч Карла Великого. Он хранится в Лувре, а в свое время был обязательным атрибутом коронаций французских монархов, вплоть до Наполеона и Карла X. Жуайёз, конечно, нужно писать в кавычках, ибо он тоже возник в истории коронаций начиная с XII в., если не с XIII; но головка его эфеса, по крайней мере, восходит к каро-

¹ См., напр.: *Onimus Jean*. Introduction aux «Trois mystères de Péguy». Paris: Amitié Charles Péguy, 1962.

² См., напр.: *Gourmont Remy de*. Le Latin mystique. Paris: Crès, 1913; *Boyer Anne*. Remy de Gourmont. L'écriture et ses masques. Paris: Champion, 2002. P. 191 et passim.

³ См., напр.: *Martens David*. L'invention de Blaise Cendrars, une poétique de la pseudonymie. Paris: Champion, 2010. P. 184–187 et passim; *Pianca Jean-Michel*. Blaise Cendrars et les surréalistes: fascination, répulsion // Cahiers Blaise Cendrars. 1989. № 3. l'Encrier de Cendrars, publ. par Jean-Carlo Flückiger. P. 75–85.

⁴ См., напр.: *Leroy Claude*. Dans l'atelier de Cendrars. Paris: Champion, 2014. P. 64–67.

⁵ *Le Noble Alexandre*. Histoire du sacre et du couronnement des rois et reines de France. Paris: Gauthier-Languionie, 1825. P. 83 et passim; *Beaune Colette*. Naissance de la nation France. Paris: Gallimard, 1985. P. 214.

лингской эпохе, к X в. Остальные детали добавлялись постепенно, до XIV в., а кое-что переделывали уже и в XIX в. Шахматная доска и меч – самые популярные элементы, связанные со средневековой символической историей; наверное, потому, что таким объектам находится место и в сакральном церемониале, и в эпосе, и в экземплярах, и в романах – словом, в пространствах, связанных друг с другом, но не идентичных и обладающих, на современный взгляд, разной степенью «художественности».

Меч, как известно, приобретает особое значение начиная с формирования рыцарства в привычном нам понимании. Его статус варьируется от сакрального до романтического, и современному исследователю подчас гораздо проще толковать его с позиции своей собственной культуры, нежели восстанавливать его аутентичное восприятие (например, психоаналитический аспект при желании можно усмотреть на всех уровнях, где функционирует артефакт). В этом отношении начало XX в. – эпоха интересная в силу как минимум двух обстоятельств: с одной стороны, осознается путь, проделанный артефактом, сюжетом или персонажем в литературе на протяжении столетий, с другой – декларируется поиск подлинного мироощущения давней эпохи.

С этой точки зрения любопытно проследить судьбу другого меча, чья артефактная динамика носит интересный характер уже в Средневековье и получает интересное преломление в позднейших текстах. Речь о мече Жанны д'Арк.

Жанна, разумеется, рыцарем быть не могла, но получила при дворе вооружение в ходе церемонии, напоминавшей посвящение в рыцари. Однако меч, который она носила в бою, попал к ней иным путем. Когда Жанна и ее спутники остановились в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа, она, как передают источники, велела начать поиски за алтарем монастырской церкви, и там обнаружился проржавевший старинный меч, помеченный несколькими крестами¹. Ржавчина исчезла, стоило лишь протереть меч тканью. Именно об этом мече Жанну будут допрашивать в Руане: она сравнит его со своим знаменем, уверяя, что знамя любила в сорок раз больше меча и что в бою всегда несла знамя в руках, чтобы никого не убить. По преданию, именно этим мечом, повернутым плашмя, она избивала двух публичных женщин, присутствия которых в армии не терпела, – да так, что меч сломался.

В последующие столетия происхождение таинственного меча Жанны возводится то к Карлу Мартеллу, то к Готфриду Бульонскому. Возникла и версия, что меч ранее принадлежал Бертрану Дюгеклену, легендарному французскому полководцу времен Столетней войны. Кстати, все эти три фигуры в разное время будут освоены эпической словесностью. Когда образ Жанны д'Арк после многочисленных художественных перипетий приобретет в начале XX в. особую значимость в спорах об исторических судьбах Франции, эпическая составляющая неожиданно выйдет на первый план. В 1917 г. в стихотворении Марины Цветаевой «Руан» речь идет об Иоанне, которая любит голос и меч, – о знамени не сказано ни слова. Хорошо известно, как к Жанне относился Анатолий Франс, во всяком случае ясно, что он думал о христианской природе ее феномена. В 1920 г. католическая Церковь канонизирует Жанну. В 1923 г. Бернард Шоу пишет свою «Святую Иоанну», а в 1925 выходит роман Жозефа Дельтея «Жанна д'Арк»², наделавший немало шуму в обществе.

¹ Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л.: Наука, 1964. С. 34–35; Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. СПб.: Евразия, 2003. С. 152–153.

² Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. Paris: Grasset, 1925; Дельтей Ж. Жанна д'Арк / Пер. с фр. Е.В. Александровой. М.; Л.: ЗИФ, 1928.

Дельтей (1894–1978), провансалец, уверявший, что французский язык для него не родной, по приезду в Париж сблизился с сюрреалистами и принимал участие в написании знаменитого памфлета «Труп»¹. Его первые романы «На реке Амур»² и «Холера»³ были тепло приняты собратьями по авангарду. Роман «Жанна д'Арк» получил премию «Femina» – и ознаменовал громкий разрыв Дельтея с миром сюрреалистов. Заявив, что он «не видит снов», Дельтей вызвал страшный гнев Андре Бретона⁴, назвавшего роман «большой дрянью». При этом католическая критика отнеслась к книге Дельтея еще менее благосклонно: газета «Ла Круа» опубликовала разгромную статью, где сообщалось, что Дельтей в своем романе договорился до утверждения, будто святая Екатерина ест сливы. А Поль Клодель неожиданно встал на защиту автора, говоря, что роман проникнут духом любви. Сливы святой Екатерине Дельтей мог бы, конечно, и не предлагать, но католическую критику, думается, гораздо больше возмутил очевидный пантеизм писателя, который у него парадоксальным образом сочетался с полученным им на юге Франции основательным религиозным воспитанием⁵.

Роман Дельтея вскоре стал именоваться по-французски романом-эпопеей. Для русского читателя это звучит немного странно: он еще в советское время привык, что роман-эпопея во Франции выглядит иначе, во всяком случае длиннее. Сам Дельтей называл свое сочинение «увлеченной биографией» и объяснял, что взялся писать ее только по одной причине: он любит Жанну. Современная исследовательница творчества Дельтея М.-Ф. Лемоннье-Дельпи выделяет у писателя целый эпический период, который открывается романом о Жанне д'Арк и завершается в 1931 г. романом о Генрихе IV⁶. Одна из главных черт дельтеевской эпопеи – обилие анахронизмов, которые он не то что не скрывает, а как будто нарочно дразнит ими читателя (указатель «до Домреми 121 километр»⁷; на коронации Карла VII в Реймском соборе «арманьякские музыканты играют “Марсельезу”»⁸ и т. п.). М.-Ф. Лемоннье указывает: анализ анахронизмов позволяет выявить глубинную связь между эпопеей и мифом. Это и «особое видение сюжета, оформляющееся в эпическом тексте. Но при этом сердце сюжета – герой... Особенность дельтеевского героя в том, что он существует поверх категорий. Его природа парадоксальна, он дитя и гигант, в нем живет мечта, и он человек действия. Однако его тело и душа живут вместе, и всякое нарушение этой гармонии фатально для его подвигов. Его жизнь идет в ритме его желаний, телесных и духовных, и отмечена серией явных предостережений, которые он неосознанно или с умыслом игнорирует. И так его многоликая природа делает его идеально полным существом, как и особенная андрогинность, так часто возникающая в текстах Дельтея»⁹.

¹ См.: *Nadeau Maurice*. Histoire du surréalisme. Paris: Seuil, 1964. P. 49 et passim.

² *Delteil Joseph*. Sur le fleuve Amour. Paris: Grasset, 1961.

³ *Delteil Joseph*. Choléra. Paris: Kra, 1923.

⁴ Ср.: *Duplessis Yves*. Le surréalisme. Paris: PUF, 1967. P. 30–38.

⁵ *François Olivier*. Joseph Delteil, écrivain paléolithique: zone-critique.com/2015/06/24/joseph-delteil-ecrivain-paleolithique/ (дата обращения: 12.11.2019).

⁶ *Lemonnier-Delpy Marie-Françoise*. «Jeanne d'Arc» de Delteil: josephdelteil.net/jeanne.htm (дата обращения: 12.11.2019).

⁷ *Delteil Joseph*. Jeanne d'Arc. P. 188. Здесь и далее мы предпочитаем давать цитаты в собственном переводе, чтобы сохранить (стилистическую?) тональность оригинала. – *В.Л.*

⁸ *Ibid.* P. 182.

⁹ *Lemonnier-Delpy Marie-Françoise*. Joseph Delteil et l'Épopée. Thèse de doctorat. Résumé: josephdelteil.net/resume.htm (дата обращения: 12.11.2019).

Андрогинность образа Жанны у Дельтея так шокирует именно потому, что он настаивает на ее двойственной природе как необходимом условии полной реализации. 1925 год – это еще и год постановки в театре на Елисейских полях «Негритянского ревю», спектакля черного джаза, первого во Франции, импресарио которого, Кэролайн Дадли, станет женой Дельтея. У цветной звезды этого спектакля Жозефины Бейкер были коротко стриженные припомаженные волосы. Ее прическа вошла в моду – появился новый женский образ. При этом необходимо отметить налет скандальности, имевшийся в успехе Ж. Бейкер, выступавшей почти обнаженной.

Поэтическая андрогинность Жанны демонстрируется не только с помощью меча, который появляется примерно в середине романа. Но в самом начале меч как бы дублируется первым зубом, который вырастает у маленькой Жанны («дитя, дитя, со всех сторон вижу я, как стекаются к тебе символы твоей судьбы»¹): «Первый зуб! Основание жизни – пища, а в основе всякой пищи – борьба. Ради куска мужчина убивает, а женщина оскверняется. Зуб – причина войны и блуда, зла и смерти»².

Однако, как подчеркивает М.-Ф. Лемоннье, хоть Дельтей и считал себя прямым наследником Гюисманса и Бернарда Шоу, его текст в не меньшей мере тяготеет к эпической традиции³. Отсюда, например, система ложного цитирования (он закавычивает пассажи из средневековых хроник, но приводит их нарочито неточно), отсюда же и стремление из легенды сотворить миф. И действительно, Дельтей, рассказывая об обретении меча в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа, говорит, что за алтарем Жанна увидела старинное романское надгробие какого-то рыцаря. И, когда речь зашла о вооружении, она непременно захотела заполучить этот «легендарный меч». По совету святой Екатерины она послала за мечом, принадлежавшим рыцарю, могилу которого видела в церкви Фьербуа. Ей принесли изрядно проржавевший меч. «Ржавчина с него сойдет в брюхе англичан», – сказала она⁴. Так вместо тематики чуда (меч очищается без усилий, стоит его потерять) возникает тематика агрессии, воинственности, которую Дельтей многократно подчеркивает, уверяя, что Жанна десятками бьет англичан – то в праведном гневе, то чтобы сбросить сильное нервное, даже невротическое напряжение, вызванное тем, что двор и сам король начинают отворачиваться от нее. При этом истребление врагов анонсируется еще в первых главах, когда святые, являясь ей, говорят: «не бойся, ты будешь сечь врагов и разгромишь их»⁵.

Современная исследовательница Жанны Колетт Бон замечает, что на уровне эмблематических представлений XV в. меч должен быть в руках мужчины, в то время как женщина держит веретено: как известно, французским королевским лилиям негоже прясть. Выполненная в конце XV в. для аббата обители Сен-Виктор рукописная копия судебного дела Жанны содержит миниатюру, на которой веретено на левом бедре Жанны превращается в меч. И при этом, пишет К. Бон, Жанна была превосходной пряхой и не отрекалась от веретена. Даже на пике боевой славы, останавливаясь в домах рыцарей или горожан, она, по многочисленным свидетельствам, жила на женской половине и часто пряла, гордясь тем, что мать хорошо обучила ее этому. Она пряла даже в плену, пока условия содержания это позволяли⁶.

¹ *Delteil Joseph*. Jeanne d'Arc. P. 18–19.

² *Ibid.* P. 17.

³ *Lemonnier-Delpey M.-F.* Joseph Delteil et l'Épopée. Thèse de doctorat. Résumé: josephdelteil.net/resume.htm (дата обращения: 12.11.2019).

⁴ *Delteil Joseph*. Jeanne d'Arc. P. 103.

⁵ *Delteil Joseph*. Jeanne d'Arc. P. 58.

⁶ *Beaune Colette*. Jeanne d'Arc. Paris: Perrin, 2004. P. 158–159.

Однако Дельтей не противопоставляет мечу веретено (об этом вообще не говорится ни слова); в романе, кстати, есть след отношения подлинной Жанны к своему знамени: она сражается у стен Орлеана с мечом, но победа приходит, когда она берет в руки знамя¹.

Зато романист противопоставляет самой Жанне соперницу-женщину. Жанна бьется на мечех с другой девой, некоей «мисс Малькольм», которую англичане выставляют против нее у ворот Парижа («позавидовав победам Жанны, захотели иметь свою собственную деву»). Эта мисс Малькольм, полная противоположность Жанне по темпераменту, в итоге проигрывает бой и исчезает со страниц романа так же внезапно, как появилась².

В этой битве дев ни одна из соперниц не погибает, – возможно, потому, что в девственности, как настаивает Дельтей, заключается особая сила (аргумент христианский, но для него, очевидно, еще и эпический). Девственность Жанны – неотъемлемая часть ее «я», и даже ее очевидная, с рождения проявляющаяся чувственность не может заставить ее изменить своему призванию. Дельтей изображает сцену, где Карл VII проявляет к Жанне недвусмысленный интерес, но при первом прикосновении она, хоть и любит короля, бежит от него³. А на костре она забывает об огне и боли, думая только о том, чтобы прикрыть обнаженное тело, потому что одежда уже сгорела⁴.

Неслучайно, конечно, в романе предметом последней атаки с легендарным мечом в руках становятся, как и в средневековой традиции, девицы легкого поведения. Впрочем, Дельтей настаивает, что Жанна действует в порыве сильного раздражения, которое не покидает ее с того момента, как победы закончились: «У нее случаются неожиданные приступы ярости и уныния. Тело подчиняется отчаянию души. Божественная Жанна в эти моменты попадает во власть какого-то демона. Она страшно орет, ведет себя как последний солдафон. Однажды бросается на стайку женщин легкого поведения и лупит их мечом так сильно, что оружие, меч святой Екатерины, ломается в ее руках»⁵.

Нетрудно заметить, что в изначальной, средневековой истории меч выглядит как евангельский бич, послуживший для изгнания торгующих из храма. В романе Дельтея меч, которым Жанна избивает срамных девок, ломается потому, что она попросту не совладала с собой.

Меч ломается, обнаруживая то самое нарушение внутренней целостности, гармонии души и тела, которое предвещает конец подвигов и роковой финал, снова напоминающий об эпической традиции. Восстанавливает ли средневековый артефакт хотя бы отчасти свои изначальные функции? «...Ни старье Истории, ни иссушение Временем не отнимут у нее свежесть красок и плотскую улыбку. ... Плевать на документы и плевать на местный колорит! Я хочу показать здесь только дочь Франции»⁶, – пишет Дельтей в предисловии к своему роману. Думается, его пером движет не стремление «вчувствоваться» в эпоху, а любовь к Жанне. Вышедшая на пик актуальности после недавней канонизации, героиня романа воспринимается как современница.

¹ *Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. P. 136–138.*

² *Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. P. 196–199.*

³ *Ibid. P. 161.*

⁴ *Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. P. 258–260.*

⁵ *Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. P. 200–201.*

⁶ *Delteil Joseph. Jeanne d'Arc. P. VII–VIII.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Дельтей Ж. Жанна д'Арк / Пер. с фр. Е.В. Александровой. М.; Л.: ЗИФ, 1928. 128 с. / Delteil J. Jeanne d'Arc / Transl. from French. Moscow; Leningrad. ZIF Publ. 1928. 128 p.

Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л.: Наука, 1964. 146 с. / Rajtses V.I. (1964) Jeanne d'Arc Trial. Moscow; Leningrad. Nauka Publ. 146 p.

Райцес В.И. Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. СПб.: Евразия, 2003. 243, [1] с. / Rajtses V.I. (2003) Jeanne d'Arc: Facts, Legends, Hypotheses. St. Petersburg. Evrazia Publ. 243, [1] p.

Beaune C. (2004) Jeanne d'Arc. Paris. Perrin. 475 p.

Beaune C. (1985) Naissance de la nation France. Paris. Gallimard. 431 p.

Boyer A. (2002) Remy de Gourmont. L'écriture et ses masques. Paris. Champion. 411 p.

Duplessis Y. (1967) Le surréalisme. Paris. PUF. 126 p.

François O. Joseph Delteil, écrivain paléolithique: zone-critique.com/2015/06/24/joseph-delteil-ecrivain-paleolithique/ (date accessed: 12.11.2019).

Gourmont R, de. (1913) Le Latin mystique. Paris. Crès. 423 p.

Le Noble A. (1825) Histoire du sacre et du couronnement des rois et reines de France. Paris. Gaultier-Laguionie. 656 p.

Lemonnier-Delpy M.-F. Joseph Delteil et l'Épopée. Thèse de doctorat. Résumé: joseph-delteil.net/resume.htm (date accessed: 12.11.2019).

Lemonnier-Delpy M.-F. "Jeanne d'Arc" de Delteil: josephdelteil.net/jeanne.htm (date accessed: 12.11.2019).

Leroy C. (2014) Dans l'atelier de Cendrars. Paris. Champion. 282 p.

Martens D. (2010) L'invention de Blaise Cendrars, une poétique de la pseudonymie. Paris. Champion. 295 p.

Nadeau Maurice. (1964) Histoire du surréalisme. Paris. Seuil. 527 p.

Onimus J. (1962) Introduction aux "Trois mystères de Péguy". Paris. Amitié Charles Péguy. 91 p.

Pianca J.-M. Blaise Cendrars et les surréalistes: fascination, répulsion. Cahiers Blaise Cendrars. 1989. No 3. l'Encrier de Cendrars / Publ. par Jean-Carlo Flückiger. P. 75–85.

Сведения об авторе:

Владислава Юльяновна Лукасик,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vladislava Yu. Lukasik,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
vladislava.lukasik@yahoo.fr